



Стейси Уилсон  
**Встретимся в Дубае**

«Автор»

2026

## **Уилсон С.**

Встретимся в Дубае / С. Уилсон — «Автор», 2026

Двадцать два, красный диплом СПбГУ, промозглый питерский сентябрь за окном — и одна заявка, которая меняет всё. Настя всегда мечтала о небе, о работе стюардессы, но боялась признаться даже себе. А потом нажала «Отправить» — и через месяц её встречал Дубай. Это дневник девушки, которая оставила прошлое, чтобы начать жизнь с чистого листа. Новая страна, новые люди, новая работа. И романтика, которая приходит не тогда, когда ждёшь, а когда ты уже готова. Честно. Тепло. Без прикрас. В Дубае говорят: если ты улыбнулся небу — оно улыбнётся в ответ.

© Уилсон С., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| Глава 1                           | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 8 |

# Стейси Уилсон

## Встретимся в Дубае

### Глава 1

2 августа. Я сижу за ноутбуком, пальцы застыли над клавиатурой. Анкета открыта на последней странице — уже тысячу раз перечитана, выверена, исправлена. Каждая буква на своём месте. Дышать не хочется, чтобы случайно не сбить настрой.

«Отправить».

Кликаю. Экран моргает, и прямо по центру всплывает надпись: «Ваша анкета отправлена». Чёткая, спокойная, будничная. А у меня внутри — шторм.

С одной стороны, эйфория. Я это сделала! Я нажала. С другой — ледяной ком под рёбрами: в ближайший месяц решится, куда меня понесёт жизнь. Вверх или вниз. В небо или обратно на землю.

Четыре дня. Я перепроверяла почту каждые полчаса, даже в очереди в магазине. И вот — письмо. Тема: «Приглашение на собеседование».

Сердце пропустило удар, а потом забилося так, что я услышала его в висках. Первый этап — пройден.

13 августа. Вторник. В восемь утра. Я буду сидеть напротив человека, который решит, пускать ли меня в небо.

13-е. Я не суеверная. Но в груди снова тот самый ком, только теперь он горячий.

Пока я смотрю на экран с датой собеседования, в голове проносится всё, что осталось за кадром.

Кроме лучшей подруги Полины, я никому не сказала ни слова. Мы дружим ещё со школы, и она знала про мою мечту задолго до того, как я решилась на заявку. Мы часто ездили к Пулково, садились на траву у ограждения и смотрели, как взлетают самолёты, — она тогда говорила: «Ты обязательно там будешь, я знаю». Теперь она прислала голосовое с визгом и фразой: «Ты что, серьёзно? Ну наконец-то!»

Мама — отдельный разговор. Она, конечно, поспорит. Скажет, что я могла бы устроиться по специальности, что диплом МО не для того получала, чтобы разносить кофе на высоте десять тысяч метров. Но в итоге она всегда принимает мой выбор, даже если он её пугает. Она вздохнёт, обнимет и скажет: «Ну, с богом». А потом будет искать в интернете отзывы о жизни в Дубае и присылать мне ссылки на статьи про жару.

А папа... папа просто бросит короткое: «Ты дура. Это твоя жизнь — хочешь фигнёй страдать, страдай». Я знаю этот голос. Он звучит в моей голове уже лет десять, с тех пор как я перестала оправдывать его ожидания. Но я уже не та девочка, которая плачет от его слов. Я просто кивну и пойду дальше. Как и всегда.

А ещё у меня есть младшая сестра и брат. Мы не живём вместе, но они всегда меня поддерживали. Я уверена, что когда узнают — просто улыбнутся и скажут: «Мы верим в тебя». Без лишних споров и вопросов.

С молодым человеком мы расстались три недели назад. Ровно в тот вечер, когда я собралась с духом и сказала ему, что отправляю заявку. Он сидел напротив, пил чай и смотрел в телефон — и вдруг поднял глаза, будто я ударила его. Потом начал говорить. Громко, сбивчиво. Что я рушу всё, что у нас было. Что какая из меня стюардесса — я же даже кофе нормально не варю. А потом выпалил главное: он считает, что все стюардессы — «лёгкого поведения», что за спинами парней они крутят романы на каждом рейсе. Это было не про меня. Это было про его предрассудки, про его страх и, наверное, про его неуверенность.

Я даже не стала спорить. Просто молча собрала его вещи, которые оставались у меня, и поставила пакет у двери. «Твои мысли — твои проблемы», — сказала я. Он ушёл. И в тот же вечер я нажала «Сохранить анкету».

Теперь, когда я думаю о том, что меня держит в этом городе, я понимаю: почти ничего. Полина — да. Мама — да, но она в другом конце города, и я съехала от родителей полтора года назад. А больше — никого. Никаких цепей. Я свободна.

Самолёты я любила всегда. В десятом классе, когда мы писали сочинение на тему «Кем я вижу себя через десять лет», я честно вывела: «Стюардессой». Учительница хмыкнула, сказала, что это несерьёзно. Тогда я заглянула в требования авиакомпаний и узнала, что берут не раньше двадцати одного. И я пошла в университет — МО, красный диплом, международное право, дипломатические протоколы. Я отучилась. Я сделала, что просили.

А теперь мне через месяц двадцать два. И я наконец-то начинаю путь к той самой мечте, которую откладывала на полку пять лет.

За окном питерский август. Серый и тёплый. А у меня внутри — зелёный свет.

13 августа. Я проснулась затемно, ещё до того, как зазвенел будильник. К восьми меня уже ждали, а значит — ни минуты лишней. Надела строгий костюм, собрала волосы в пучок, посмотрела в зеркало. «Ты сможешь», — сказала я себе, и почему-то поверила.

Собеседование шло в три этапа. Сначала нас собрали в большом зале — около сорока человек. Девушки и парни, все улыбчивые, все идеально причёсанные. Групповое задание: представить себя, работать в команде, не выпадать из общего ритма. Я говорила ровно, старалась дышать глубже. После первого этапа ушло человек десять. Мы проводили их взглядами, и воздух стал плотнее.

Второй этап — тест по английскому. Я писала его почти не задумываясь, будто рука сама выводила ответы. Когда подняла голову, заметила, что соседка слева уже закрыла свою папку, но глаза у неё были красными — сдала или нет, я не узнала. Ещё десять человек ушли. Нас осталось около двадцати. И я в том числе.

Третий этап — личное интервью. Вот тут трясло по-настоящему. Каждое слово, каждый взгляд интервьюера — как под микроскопом. Я улыбалась, отвечала чётко, хотя внутри колотилось всё, что только могло колотиться. Нельзя показывать страх. Мы должны быть уверенными. Мы должны быть теми, кому доверят сотни пассажиров.

Через восемь часов я стояла у выхода из здания. Солнце уже клонилось к закату. Домой добралась на автомате. Заварила кофе, рухнула на диван и написала Поле: «Вроде всё нормально. Меня как будто выжали, встряхнули и опять выжали. Сказали, позвонят в течение четырнадцати дней».

И после этого просто лежала, глядя в потолок, слушая, как за окном шумит августовский город. Где-то там, в другой стране, меня ещё не знают. Но я уже почти там.

Мы гуляли с друзьями по центру. Август в Петербурге был тёплым, и вечер опускался медленно — мы как раз сворачивали к Невскому, когда в кармане завибрировал телефон. Я взглянула на экран и остановилась.

Номер. Незнакомый. А под ним — подпись: UAE.

— Аллю?

Голос на том конце был спокойным, профессиональным. Меня поздравили, сказали, что я прошла отбор, и попросили ожидать дальнейшие указания на почте. Всё. Коротко. Буднично. Как будто мне сообщили о доставке посылки, а не о том, что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Я стояла на тротуаре, смотрела на прохожих и плакала. Прямо на улице. Никто не обращал внимания. Город жил своей жизнью, а я наконец-то дождалась. Golden call.

Первая мысль — Полина. Я набрала её, почти не видя кнопок. Она ответила, и я просто выдавила сквозь слёзы: «Поля, я прошла». Она заревела в трубку — громко и счастливо, какая-то проходящая даже обернулась на её голос из динамика. Мы обе молчали, пытаюсь отдышаться.

Родителям я решила сказать на следующий день. За ужином.

К шести часам они приехали все — мама, папа, младшие сестра с братом. Мы сели за стол, и мама, оглядывая комнату, спросила:

— А где Даня?

Я спокойно ответила, что мы расстались, он съехал ещё месяц назад. И, пока они переваривали эту новость, я добавила:

— У меня есть ещё одна новость.

Я рассказала всё. Про заявку. Про собеседование. Про звонок из авиакомпании. За столом повисла тишина. Младшие смотрели на меня большими глазами, мама приоткрыла рот, а папа папа медленно положил вилку.

— Докатились, — сказал он. — Видимо, ребенком так и осталась.

Он встал, отодвинул стул, прошёл в прихожую и начал молча собираться. Я смотрела на его спину и почти не чувствовала боли — только усталую привычку. Мама обняла меня, притянула к себе и тихо сказала:

— Поздравляю. Давай завтра обо всём поговорим, ты расскажешь. Сегодня, как видишь, он не в настроении здесь оставаться.

— Хорошо, мам, — ответила я.

На следующий день мы встретились, как и договаривались. Взяли младших и поехали в зоопарк. Пока они носились между вольерами, разглядывая животных и наперебой выкрикивая названия, мы с мамой медленно шли по аллеям.

— Не волнуйся, мам, — сказала я, беря её под руку. — Я часто смогу прилетать. Ну или вы ко мне.

Мама улыбнулась, но взгляд был тревожным. Я знала: она боится не того, что я буду далеко. Она считала меня самостоятельной с детства. Она боялась самолётов. Того самого неба, в которое я так рвалась.

Я рассказала ей вкратце, как всё будет: тренировочный центр, Дубай, форма, первые рейсы. Она слушала, кивала и в конце, когда младшие подбежали звать нас смотреть на жирафа, она взяла меня за руку и сказала:

— Я рада, что ты решилась на это.

И в тот момент я почувствовала, что у меня есть крылья. Не за спиной. А внутри.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.